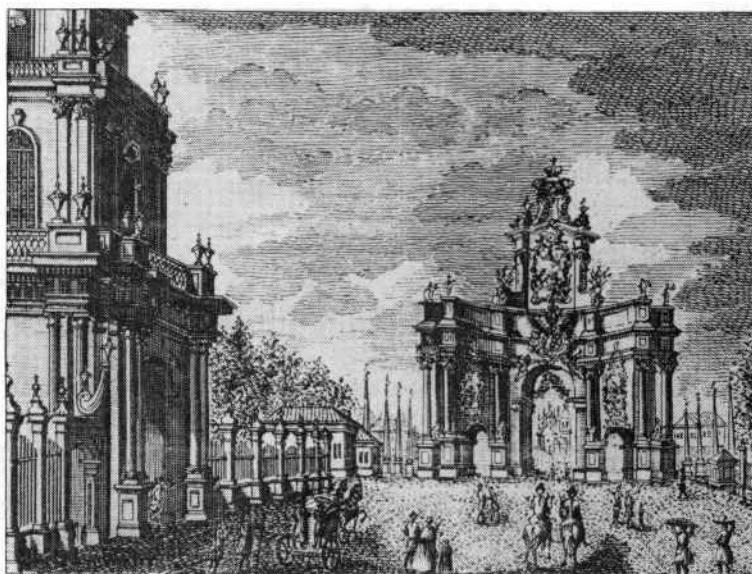

ОБРАЗ МОСКВЫ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII вв.

Известный историк Москвы П.В.Сытин, подытоживая историческое развитие застройки к середине XVIII столетия, особенно выделил в облике города три признака: господство храмов на фоне общей деревянной застройки, широту улиц и обильные зеленые городские просторы, занятые жилищем, выгонами и рощами. И хотя Москва не отличалась благоустройством, пишет он, "ее красивые каменные здания церквей, поднимающих свои золотые, голубые и зеленые главы, и их колоколен, и небольшое число каменных палат, тоже красиво построенных — среди моря одно-двухэтажных деревянных домиков; широкие сравнительно с западноевропейскими улицы; масса зелени в садах при дворах, в рощах и на лугах, — все это делало Москву одним из красивейших городов мира"¹.

Из этой краткой характеристики полностью выпали крепостные стены и, по-видимому, не случайно. В жизни города XVIII в. уже с петровского времени они все более отходили на второй план, вследствие ослабления непосредственной вражеской угрозы. Последний всплеск интереса Петра к обороне города в период войны со шведами обернулся для облика древней столицы круто: в самом центре вокруг стен Кремля и Китай возникли земляные бастионы в окружении глубоких рвов, которые к середине столетия уже потеряли оборонительный смысл и стали для города источником антисанитарии и прочих неудобств. От Скородома к этому времени сохранились только валы, а укрепления Белого города в 40-50-х гг. XVIII в. стали активно разбираться, пополняя запасы камня, в котором остро нуждался город. Таким образом, только укрепления центра Москвы — Кремля и Китая — были определены для сохранения и дальнейшего поддержания, требовавшего значительных расходов. Заканчивался важный период в истории Москвы, начавшийся еще с конца XVI в., когда заново возведенные внешние укрепления Белого и Земляного города стали играть ведущую роль в структуре и облике города, во многом предопределив и его дальнейшую судьбу.

XVII век — время относительно стабильного функционирования Москвы в рамках и внутренних (Кремль и Китай), и внешних укреплений, хотя по линии Скородома его первоначальные дубовые стены были сожжены поляками в начале XVII в., и на их месте стены возобновлялись, но в менее мощной и упрощенной конструкции.

Предшествующий период, охватывающий в основном XVI столетие, — время формирования и окончательного сложения системы укрепленных колец Москвы, создававшихся в три этапа: в начале века — вокруг Кремля; в 30-х гг. — вокруг Великого посада; в конце столетия — вокруг Белого города и Земляного города. Чтобы понять особенности Москвы XVII столетия, обусловленные крепостным строительством, придется углубляться в XVI век, просматривая всю систему развития крепостной структуры во времени, с учетом всего комплекса исторических сведений, доступных исследователю на сегодняшний день.

Источники образных представлений о Москве XVI-XVII вв. нужно подразделить на три основных группы: первая — изображения и описания Москвы современниками (в основном иностранными путешественниками); вторая — известные нам с XVI в. планы Москвы; третья — все сохранившиеся (а также несохранившиеся) произведения архитектуры и градостроительного искусства от того времени, образное воссоздание которых нам на сегодняшний день доступно. Взятые в комплексе, эти источники могут помочь высветить те стороны представлений о Москве, которые труднее выявить, опираясь на разрозненные факты. В этом отношении характерны особенности общего восприятия города, отразившиеся в свидетельствах современников — письменных и изобразительных и памятниках картографии.

Появление первого нам известного аксонометрического плана Москвы, т.н. "Петрова чертежа", основополагающего для последующих планов, по

"Вид Триумфальных ворот, из Земляного города к Тверской-Ямской". Гравюра И.Махаева. Середина XVIII в.

[illegible][illegible]

FELICISSIMO SINGULO
 RECONDITUM IN MONASTERO
 SERENISSIMET POTEN
 TISSIMO DOMINI
 SIGISMUNDI III.
 SACRAE CAESARIS REGIS
 DUCIS LITH. PR. MAG. N. L. D. D.
 1585. 1586. 1587. 1588. 1589. 1590. 1591. 1592. 1593. 1594. 1595. 1596. 1597. 1598. 1599. 1600. 1601. 1602. 1603. 1604. 1605. 1606. 1607. 1608. 1609. 1610. 1611. 1612. 1613. 1614. 1615. 1616. 1617. 1618. 1619. 1620. 1621. 1622. 1623. 1624. 1625. 1626. 1627. 1628. 1629. 1630. 1631. 1632. 1633. 1634. 1635. 1636. 1637. 1638. 1639. 1640. 1641. 1642. 1643. 1644. 1645. 1646. 1647. 1648. 1649. 1650. 1651. 1652. 1653. 1654. 1655. 1656. 1657. 1658. 1659. 1660. 1661. 1662. 1663. 1664. 1665. 1666. 1667. 1668. 1669. 1670. 1671. 1672. 1673. 1674. 1675. 1676. 1677. 1678. 1679. 1680. 1681. 1682. 1683. 1684. 1685. 1686. 1687. 1688. 1689. 1690. 1691. 1692. 1693. 1694. 1695. 1696. 1697. 1698. 1699. 1700. 1701. 1702. 1703. 1704. 1705. 1706. 1707. 1708. 1709. 1710. 1711. 1712. 1713. 1714. 1715. 1716. 1717. 1718. 1719. 1720. 1721. 1722. 1723. 1724. 1725. 1726. 1727. 1728. 1729. 1730. 1731. 1732. 1733. 1734. 1735. 1736. 1737. 1738. 1739. 1740. 1741. 1742. 1743. 1744. 1745. 1746. 1747. 1748. 1749. 1750. 1751. 1752. 1753. 1754. 1755. 1756. 1757. 1758. 1759. 1760. 1761. 1762. 1763. 1764. 1765. 1766. 1767. 1768. 1769. 1770. 1771. 1772. 1773. 1774. 1775. 1776. 1777. 1778. 1779. 1780. 1781. 1782. 1783. 1784. 1785. 1786. 1787. 1788. 1789. 1790. 1791. 1792. 1793. 1794. 1795. 1796. 1797. 1798. 1799. 1800. 1801. 1802. 1803. 1804. 1805. 1806. 1807. 1808. 1809. 1810. 1811. 1812. 1813. 1814. 1815. 1816. 1817. 1818. 1819. 1820. 1821. 1822. 1823. 1824. 1825. 1826. 1827. 1828. 1829. 1830. 1831. 1832. 1833. 1834. 1835. 1836. 1837. 1838. 1839. 1840. 1841. 1842. 1843. 1844. 1845. 1846. 1847. 1848. 1849. 1850. 1851. 1852. 1853. 1854. 1855. 1856. 1857. 1858. 1859. 1860. 1861. 1862. 1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880. 1881. 1882. 1883. 1884. 1885. 1886. 1887. 1888. 1889. 1890. 1891. 1892. 1893. 1894. 1895. 1896. 1897. 1898. 1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913. 1914. 1915. 1916. 1917. 1918. 1919. 1920. 1921. 1922. 1923. 1924. 1925. 1926. 1927. 1928. 1929. 1930. 1931. 1932. 1933. 1934. 1935. 1936. 1937. 1938. 1939. 1940. 1941. 1942. 1943. 1944. 1945. 1946. 1947. 1948. 1949. 1950. 1951. 1952. 1953. 1954. 1955. 1956. 1957. 1958. 1959. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964. 1965. 1966. 1967. 1968. 1969. 1970. 1971. 1972. 1973. 1974. 1975. 1976. 1977. 1978. 1979. 1980. 1981. 1982. 1983. 1984. 1985. 1986. 1987. 1988. 1989. 1990. 1991. 1992. 1993. 1994. 1995. 1996. 1997. 1998. 1999. 2000. 2001. 2002. 2003. 2004. 2005. 2006. 2007. 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014. 2015. 2016. 2017. 2018. 2019. 2020. 2021. 2022. 2023. 2024. 2025. 2026. 2027. 2028. 2029. 2030. 2031. 2032. 2033. 2034. 2035. 2036. 2037. 2038. 2039. 2040. 2041. 2042. 2043. 2044. 2045. 2046. 2047. 2048. 2049. 2050. 2051. 2052. 2053. 2054. 2055. 2056. 2057. 2058. 2059. 2060. 2061. 2062. 2063. 2064. 2065. 2066. 2067. 2068. 2069. 2070. 2071. 2072. 2073. 2074. 2075. 2076. 2077. 2078. 2079. 2080. 2081. 2082. 2083. 2084. 2085. 2086. 2087. 2088. 2089. 2090. 2091. 2092. 2093. 2094. 2095. 2096. 2097. 2098. 2099. 2100. 2101. 2102. 2103. 2104. 2105. 2106. 2107. 2108. 2109. 2110. 2111. 2112. 2113. 2114. 2115. 2116. 2117. 2118. 2119. 2120. 2121. 2122. 2123. 2124. 2125. 2126. 2127. 2128. 2129. 2130. 2131. 2132. 2133. 2134. 2135. 2136. 2137. 2138. 2139. 2140. 2141. 2142. 2143. 2144. 2145. 2146. 2147. 2148. 2149. 2150. 2151. 2152. 2153. 2154. 2155. 2156. 2157. 2158. 2159. 2160. 2161. 2162. 2163. 2164. 2165. 2166. 2167. 2168. 2169. 2170. 2171. 2172. 2173. 2174. 2175. 2176. 2177. 2178. 2179. 2180. 2181. 2182. 2183. 2184. 2185. 2186. 2187. 2188. 2189. 2190. 2191. 2192. 2193. 2194. 2195. 2196. 2197. 2198. 2199. 2200. 2201. 2202. 2203. 2204. 2205. 2206. 2207. 2208. 2209. 2210. 2211. 2212. 2213. 2214. 2215. 2216. 2217. 2218. 2219. 2220. 2221. 2222. 2223. 2224. 2225. 2226. 2227. 2228. 2229. 2230. 2231. 2232. 2233. 2234. 2235. 2236. 2237. 2238. 2239. 2240. 2241. 2242. 2243. 2244. 2245. 2246. 2247. 2248. 2249. 2250. 2251. 2

времени почти совпадает с возведением внешних укреплений — стен Белого и Земляного города². Совпадение не случайное. Завершение всей оборонительной системы Москвы произошло во время, когда в Москве разворачивалась широкая картографическая деятельность, нацеленная на составление карт древней Руси, а ее результатом стал "Большой чертеж", сопровождавшийся описью — "Книгой Большого чертежа". Эта работа не только потребовала больших предварительных трудов, подготовки умельцев и огромных творческих усилий, но и связывалась с освоением нового изобразительного метода, основанного на достаточно реалистичном изображении города на чертеже "с птичьего полета", с подробной его прорисовкой в деталях, вплоть до изображения индивидуальных особенностей зданий и сооружений.

Вслед за "Петровым планом" последовала серия близких ему по методу чертежей XVII в. ("Годунов чертеж", начало 1600-х гг.; "Сигизмундов план", 1610; план Мериана, 1638; план Мейерберга, 1661-1662 и др.), и чтобы оценить по достоинству картографический уровень, достаточно сопоставить их с первым известным нам планом Московского Кремля, принадлежащим Герберштейну (1521 г.), дважды посетившему Москву в 20-х и 30-х гг. XVI в. Не вдаваясь в подробный анализ его чертежа (к этому мы еще вернемся), можно со всей очевидностью говорить о двух различных подходах в первом и втором случаях к средствам картографической передачи изображаемого материала; налицо очевидный прогресс в картографии "Петрова плана" (как и близких ему других) в отношении более приближенного к реальности изображения города на чертеже.

Общее, что по сути объединяет авторов серии близких "Петрову плану" чертежей XVII в., это их видение Москвы в целом только в пределах крепостных стен³ и очевидный в структуре приоритет оборонительных колец, выраженных не только крепостными сооружениями, но и широкими зонами плацдармов перед ними, которые на чертежах имеют несколько утрированные масштабы.

Не менее интересной общей особенностью планов нужно признать их четко ориентированную на центр иерархичность, просматриваемую в соотношении самих трех основных, ограниченных крепостями зон (Кремль и Китай — Белый город и Земляной город), и особенно — в разной степени их подробности, тщательности прорисовки. Общим является и очевидный для всех планов факт подчеркнутого объединения в целостное ядро всей пространственной композиции крепостей Кремля и Китай-города (Великого посада) с четким выявлением в этом ядре Красной (Троицкой) площади и ее центра — собора Покрова (Троицы) как главного городского пространства наряду с историческими кремлевскими площадями — Ивановской и Соборной. Единство трех главных столичных площадей, закрепленное высотными объемами храма Покрова, Ивана Великого, а с 1620-х гг. — и шатровой над-

стройкой Фроловской (Спасской) башни, нашло свое характерное графическое выражение в серии планов XVII в.

Крепостное ядро, заключающее в себе Кремль и Китай-город, по отношению ко всему плану Москвы практически во всех чертежах имеет несколько преувеличенные (в сравнении с реальным соотношением частей и целого) размеры. Относительное занижение территории в наибольшей степени коснулось Земляного города. Что же касается степени прорисовки застройки на планах, то по вполне понятным причинам наибольшее внимание на всех чертежах привлекает центральное ядро города и особенно Кремль с его общерусскими святынями — соборами и монастырями, дворцами царя и покоями патриарха.

Характерная для всех планов замкнутая структура пространств, разгороженных между собой кольцами крепостных стен, лишенных свободной связи с пространством вне укреплений, явилась не просто абстрактным символом или профессиональной условностью. В этой форме происходила своего рода образная кристаллизация нового для того времени принципа многослойного в своей концентрической завершенности городского организма, в центре которого — средоточие жизни всего государства, объединившее в себе его власть и священные начала ("кесарево" и "Божье"), стремящиеся к неразрывности в идеале московской государственности. Это стремление к слитности и единодержавию демонстрировалось в XVII в. разными средствами: от знаменитого ежегодного "шествия на осляти" царя с патриархом между соборами Успенским и Покровским до выражения более общих идей и символов при создании памятников церковной архитектуры. По-видимому, в этом ряду многозначных символов следует воспринимать и подчеркнутую замкнутую, но строго центрированную образную структуру "столичного града", несущую в себе идейные значения, соответствующие различным смыслам — от общих философских толкований круговой и других форм до их образных ассоциаций с различными земными реалиями государственной жизни.

Следует заметить, что выразившийся в структуре Москвы конца XVI-XVII вв. тип, "круглого", многослойного и закрытого города является уникальным для древнерусского градостроительства, а в истории самой Москвы он явился развитием древней центрового структуры, которую город приобрел, по-видимому, еще с XIV в., когда примерно по линии будущих крепостных стен Белого города уже намечались первые оборонительные валы внешней линии городских укреплений⁴. Однако, вряд ли эти укрепления играли существенную роль в структуре города. Во всяком случае С. Герберштейн ни слова о них не говорит, но утверждает, напротив, что "город, благодаря своей обширности, не огражден в достаточной степени стенами, рвом или укреплениями..."⁵.

Свидетельства Герберштейна особенно важны для нас тем, что он, посетив Москву еще до строительства Петроком Малым каменных стен Китая, увидел русскую столицу достаточно открытым городом, укрепленным по-настоящему лишь в центре — в пределах Кремля. Его описания

"Сигизмундов" план Москвы. Гравюра Л. Килиана (1610 г.)

План Москвы А.Олеария

Москвы резко отличаются от позднейших (XVII столетия) прежде всего тем, что он как бы насквозь просматривает город, включая в границы этого понятия не только то, что внутри крепостных стен, но прежде всего то, что далеко за их пределами: стоящие особняком монастырские комплексы и отдельные, оторванные от основного массива застройки слободы. Его поражает величина города: "Самый город Москва — деревянный и довольно обширен. Издали он кажется еще обширнее, ибо пространные сады и огороды при каждом доме делают город больше; еще более увеличивают его дома ремесленников, употребляющие при своем мастерстве огонь; эти дома тянутся длинными рядами на конце города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко есть несколько монастырей; если смотреть издали, они кажутся одним городом. Обширность города делает и то, что он не имеет определенной черты и не укреплен, как следует, стеной, рвом, башнями"⁶.

Похожую мысль об огромной величине города и его "прозрачности", благодаря разреженности застройки и многочисленным полянам, огородам, развивал Матвей Меховский, писавший о Москве в 1521 г. Москва, по его словам, в основном деревянная, "имеет много улиц, и где одна

улица кончается, там не тотчас же начинается другая, а лежит промежуточное поле. А между домами тоже тянутся огороды, так что они идут не непрерывным рядом один за другим. У знати дома побольше, а у простых людей — низкие"⁷.

Сведения о московском Кремле того времени в известной степени дополняет уже упомянутый чертеж Герберштейна, который заслуживает специального анализа; он еще явно недооценен исследователями, считающими его просто "не верным и фантастическим"⁸. Вряд ли, однако, следует видеть в нем достоверное отражение в плане конкретной застройки Кремля; но зато в нем ясно прочитываются определенные градостроительные идеи, которые в условном изображении передавали реальную ситуацию своего времени. Так, общая подчиненность графики чертежа некой господствующей в нем односторонней планировочной схемы в сторону Яузы и Великого посада вполне соответствовала идее времени, реализованной через 12 лет в виде обстройки Китая крепостными стенами и соответственно более тесной взаимосвязи Китая с Кремлем. В условной иконографии чертежа явно обозначен приоритет трех главных, спрямленных на чертеже, улиц Кремля, ведущих в сторону Великого посада, соответствовавших тогда трем реально сложившимся направлениям напольной стороны города в створе проездов через три башни — Фроловскую, Никольскую и Константино-

Еленинскую. Наконец, в подчеркнутой широте, иррегулярности поперечных улиц, переходящих кое-где в площади, в разнообразии форм и приемов взаимосвязи пространств с храмами, их свободном "перетекании" от одного объема к другому, в особом внимании к изображению на чертеже главных рек города как основных факторов природного формообразования в городском ландшафте — во всем этом проглядывают черты, свойственные особенностям реальных приемов формирования Кремля первой трети XVI столетия.

С возведением "града каменного" в Китае в 1535 году центральной характер структуры Москвы принципиально не изменился, хотя сила и мощь композиционного ядра города резко возросли. В описаниях современников второй половины 30-х — начала 80-х гг. XVI в. продолжают звучать те же мотивы удивления обширностью и живописным простором города (Р.Ченслер, 1553-1556; Гваньино, 1580; А.Поссевин, 1581-1582). При всем этом Гваньино, например, считает, что "город по величине таков, что его невозможно оградить стеной, рвом или укреплениями"¹⁰. Некоторые из путешественников отмечают по-прежнему, что видимая извне обширность и даже определенная уплотненность города контрастирует с впечатлением, получаемым изнутри его, когда непривычная для европейцев разуплотненность застройки кажется им излишней. "Как не велик город издали, пишет А.Поссевин, когда подъезжаешь к нему... видишь, что самые дома занимают много места, а ширина улиц и нескольких площадей, и самая окружность церквей (построенных, видимо, более для украшения городов, чем для богослужения, потому что они почти круглый год бывают запяты) — еще более разрушают иллюзию..."¹¹. Путники отмечают черты естественности и особую роль природных факторов в городском пейзаже. Их глаз оценивает не только мощь и величие головных московских ансамблей, "царского замка", но и широкие просторы окружающего их города с его живописной и многоплановой, стелющейся по рельефу застройкой, многочисленными высотными акцентами храмов и монастырских комплексов.

После строительства в Москве ее внешних укреплений — каменных стен Белого города и дубового Скородома, — структура древней столицы качественно изменилась, и это нашло прямое отражение в описаниях Москвы уже с 90-х гг. XVI столетия. Произвело впечатление не только возведение самих стен, но и расчистка широких плацдармов перед ними, имевших прежде всего оборонительное и противопожарное значение, но наряду с этим структурно изменивших пространственную композицию всего города, раскрывших новые перспективы и широкое обозрение крепостных ансамблей. "Крепостная тема" стала господствующей в образном восприятии столицы, с какой бы стороны к городу ни подъезжали.

Николай Варкоч, записывая свои впечатления о городе сразу же по окончании строительства стен, не может скрыть своего восторга его новым видам. "Москва — прекрасный и большой главный город в Московии ... разделяется на 4 части: во-первых, внешний город, обнесенный совершенно деревянной стеной в три добрых са-

жени толщины и украшенный множеством деревянных башен, что придает ему издали величавый и красивый вид; в нем все ворота совершенно одинаковой постройки, большие и красивые, и все с трехконечными башнями; эта стена, выстроенная около 2 лет назад, по известию некоторых жителей, имеет 30 верст в окружности...

В этой первой деревянной стене лежит другой город, обнесенный каменной стеною, бело-на-бело выштукатуренный и украшенный множеством башен и зубцов... в этом Царьграде лежит еще особенный город, тоже обведенный особенною каменною стеною с башнями и сухим рвом и называется Китай-город; тут главная площадь и большая торговля... В этом же городе перед Кремлем находится красивая московская церковь, превосходное здание, и называется Иерусалимом. В нем же и замок великого князя, тоже обведенный сухим рвом и крепкою стеною, очень величественный, хорошо выстроенный и украшенный множеством башен. Много также круглых башен на церквах, вызолоченных хорошим золотом, ... издали это делает великолепный вид"¹².

В описании прежде всего обращает внимание новое восприятие автором общей структуры города, подразделяемой им на "части", лежащие одна в другой. Примерно тогда же описывающий Москву Флетчер сформулировал свое видение города еще определеннее: "город видом похож на круг с тремя стенами, идущими кругом одна внутри другой..."¹³. Этот же "принцип матрешки" в той или иной форме присутствует в описаниях общей структуры Москвы вплоть до 60-70-х гг. XVII в. у большинства иностранцев. Так, в авторской формулировке Степана Какаша (1602) Москва "обнесена тройной стеной: во-первых, крепкой деревянною оградой аршин в 15 высотой, которую р.Москва ... пересекает в двух местах; во-вторых, внутри этой ограды город окружается еще другой довольно крепкой стеной, и в-третьих в самой середине его царский замок защищен еще особой стеной и глубоким, наполненным водой рвом"¹⁴. Наконец, Адам Олеарий (1636) пытается, опираясь на мнение москвичей, концентрическую структуру столицы мысленно распространить на все государство: "Город лежит в середине, как бы в сердце страны, и московиты не полагают, что он отстоит от границ во все стороны на 120 миль..." Сам же город "москвичи разделяют на 4 части (округа). Первый из них называется Китай-город, т.е. Средний город...; он обнесен толстой каменной стеной, которая и называется "Красная стена"... Другой округ города, называемый Царь-город, лежит в форме полумесяца... Третья часть города, называемая Скородомом, самая крайняя, простирается на север, восток и запад около Царь-города... Четвертая часть города называется Стрелецкая слобода (в Замоскворечьи — Н.Г.)"¹⁵.

Из приведенных высказываний очевидно, что как бы не изменялись и не варьировались формулировки, стереотип образного восприятия города в целом прочно утвердился в сознании людей рассматриваемого исторического периода. Он очень близок к стереотипу, которому следовали мастера картографического искусства в изображении Москвы, и не исключено, что тиражированные за рубежом карты города активно

способствовали осознанию Москвы как художественного целого, ее формы, основанной прежде всего на концентрической многослойности городских частей, на доминирующей роли крепостных колец в осмыслении структуры и образа. Во всяком случае подавляющее большинство иностранных авторов, присавших о Москве, несомненно, было знакомо с картами, в чем нетрудно убедиться, проведя простейший анализ текстов в сопоставлении с данными карт.

Важной особенностью ряда текстов является также подспудное стремление авторов не только обрисовать "фигуру" городской структуры, но и определить центральную ее точку, идейное сосредоточение города. Уже говорилось выше о ежегодном особом обряде "шествия на осляти" царя и патриарха в каждое Вербное воскресенье за неделю до Пасхи, символизирующем слияние духовной и светской власти и в связи с этим подчеркивающим особое назначение Успенского и Покровского соборов, между которыми оно осуществлялось. Если же выбирать предпочтение между двумя соборами в интересующем нас аспекте по материалам анализируемых текстов, то оно явно склоняется в сторону собора Покрова на Рву, который обычно называется в записках Троицким или "Иерусалимом".

Характерны высказывания отдельных авторов в адрес этого собора, воспринимавшегося как своего рода вместилище многих храмов, часовен, приделов. "Церковь святой Троицы, пишет Маскевич (1611), стоит на Рву к кремлевской стороне; в ней 30 алтарей". Принц Иоанн (1602), продолжая тему, подмечает, что храм-ансамбль не только различными храмами и часовнями разрастается, но и особо доступен, непрерывен в священнодействии. "Перд замком — большая, длинная, четырехугольная площадь; на конце ее к югу — круглая площадка, где стоит храм, называемый Иерусалимом. Храм этот выстроен почти четырехугольником, однако, искусно и замысловато; имеет 9 покрытых медью башен; это так искусно и разнообразно, что удивительно смотреть. Внутри он снизу доверху наполнен часовенками да божницами, коих, пожалуй, с сотню; там у них стоят святые и идолы; самый нижний (храм — Н.Г.) день и ночь отворен; в нем постоянно горят восковые свечи; туда ходит всякий по усердию помолиться днем или ночью..."¹⁶.

Если Успенский патриарший собор, предназначенный прежде всего для царских коронаций и других особо торжественных служб и ритуалов, в основе своей элитарен, то Иерусалим — символ самого города во всей его социальной пестроте и многослойности. Он широко доступен и многолик, торжественен и по-своему демократичен; одновременно возвышен и прост, при всей его постоянной праздничности и приветливости. В образе "иерусалима", подразумевающего всегда "град Божий" (Пс. 86,3), по-видимому, сосредоточивалось в сознании народа все самое высокое, чистое, безгреховное, своего рода — Божественный идеал, стягивающий, как магнит, помыслы горожан, духовные интересы города. Что же касается выразительных образных средств храма, то самой композицией ему изначально было суждено стать своего рода прообразом и моделью концентрически многослойной структуры

Москвы, так сказать стольным "городом в миниатюре".

В образе этого храма прочитывается не только концентричность и многослойность структуры города в целом, его иерархическая соподчиненность частей и всесторонняя пространственная активность, но и потенциальная сила роста, скрытого развития. Три основных типа разновысотных столпов как бы фиксируют разные стадии развития композиции, способствуя ощущению здания как полного сил живого организма. И вопреки закрытости городских структур, четко обозначенной в аксонометрических чертежах города, эта структура открыта к росту, что прежде всего сказалось в прямом смысле — физическом обрастании здания новыми приделами, колокольней и другими объемами в XVI-XVII вв. приводимые в текстах XVII в. цифры количественного насыщения храма многочисленными приделами, "часовенками да божницами", возможно, преувеличены, но они свидетельствуют о тенденции.

Главное же композиционное достоинство этого "храма-города" заключено в том, что его структура являет собой не просто сложное многообъемное образование, композиционно осмысленное и упорядоченное, а настоящий ансамбль церквей — тема особо знаменательная для русского города, отличающегося от других городов мира прежде всего именно этим своим качеством. И если нижняя часть композиции — мощный, глухой и высокий подиум-подклет образно ассоциируется с городской твердыней-крепостью, то девять основных возвысившихся над ним разновысотных столпов образуют вместе многозначительную группу церквей, в образе которых легко прочитывается свойственный каждому древнерусскому городу храмовый "каркас" с доминирующим в нем городским собором, окружающими его церквями приходов, монастырей, усадеб. Москва — наивысшая ступень развития древнерусского города, и тема "ансамбля церквей" является, безусловно, главной в ее образной структуре.

В записках практически всех современников тема "московского многоцерковья" проходит красной нитью и составляет своего рода "дискуссию" между авторами записок по поводу общего количества храмов и часовен в столице. Диапазон мнений колеблется между числами 2000 и 700, причем большинство источников тяготеет к 1500-2000, имея в виду не только город в пределах Земляного вала, но и ближайшие монастыри и слободы. Эти завышенные с точки зрения исследователей цифры следует также, по-видимому, рассматривать как своеобразные символы того несчетного леса храмов, "церковок и часовенок", с которыми путешественники по Москве встречались буквально на каждом шагу.

"Почти через каждые 5 домов, пишет А.Олеарий (1636), там стоит часовня. Теперь же каждый большой боярин строит себе свою часовню, содержит за свой счет священника и один со своими домочадцами служит у себя Божественную службу"¹⁷. Иностранцев при этом удивляет, что во многих храмах не идет постоянного богослужения и, как уже отмечалось, еще А.Поссевин (1581-1582) предположил, что они "построены, по-видимому, более для украшения городов, чем

для богослужения"¹⁸; Ван-Кленк (1675), продолжая утверждать ту же мысль, добавляет, что "иные (из церквей) так малы, что едва поместятся в них 8 или 10 человек"¹⁹.

При восприятии архитектурной среды изнутри города церкви запечатлялись не только своей пестротой, разнообразием форм и размеров, но и определенными общими признаками, на что, кстати сказать, иностранцы любят указывать в своих текстах. Почти всегда они отмечают большую распространенность в Москве каменных храмов, и в этом отношении их заметки дают основание судить об их быстром развитии и постепенном вытеснении ими деревянных церквей. Так, если Маржерет (1601-1611) пишет в начале XVII столетия, что "с некоторого времени в Москве построено довольно церквей каменных, а деревянных находится бесчисленное множество"²⁰, то Э.Зани (1672) уже представляется, что "...церквей, и там и сям рассеянных (по Москве). насчитывают свыше 2 тысяч, и все они — каменные..."²¹ Несколько более осторожно пишет Я.Рейтенфельс (1680), утверждая, что Москва "поражает своими приблизительно двумя тысячами церквей, кои почти (выделено мной — Н.Г.) все каменные и придают городу великолепный вид"²². Разумеется, деревянных церквей и часовен к концу столетия было еще немало, особенно в Земляном городе и за его границами, но очевидно и то, что образ города уже в основном формировался каменными храмами, что и нашло отражение в записках. Это подтверждается и общей характеристикой каменного строительства в Москве, принадлежащей Корнелию де Брюину (1701); по его словам в Москве никогда не было такого множества каменных зданий, "какое находится и которое увеличивается почти ежедневно"²³.

Не меньший интерес представляют попытки авторов охарактеризовать в текстах наиболее распространенные типы церквей и их структурные особенности, не проявляя почти интереса при этом к особенностям декора, столь характерного для церковного зодчества XVII в. Их более интересует храм в целом.

Покровский собор (Иерусалим) незримо участвует в сложении у авторов образного стереотипа церкви XVII в. Во всяком случае, это со всей очевидностью прослеживается в чертах того типа, который описывает Б.Таннер (1678): "На крышах — остроконечная башня; ... каждая кровля церкви украшается восьмью тоже башенками поменьше (куполами, — сказали бы мы), их коих каждая осенена золотым крестом..."²⁴. Вообще главы, завершения храмов — предмет особого внимания и восхищения в описаниях: "Церквей у них очень много, пишет А.Лизек (1675), и все выстроены по одному красивому образцу, с пятью главами, на которых водружены тройственные кресты. Некоторые позолочены, а прочие покрыты металлическими листами. Нельзя выразить, какая великолепная представляется картина, когда посмотришь на эти блестящие главы, возносящиеся к небесам"²⁵. А.Олеарий уже в 30-х гг. XVII в. в описанном храме "о пяти верхах" увидел самый распространенный тип, утверждая, что "каменные церкви по всей стране имеют по 5 башен, на вершины которых водружены тройные кресты"²⁶.

В целом прослеживается интересная особенность: иностранные гости достаточно безразлично реагируют на "островершие", т.е. шатровые, церкви, которых к середине XVII в. было построено предостаточно, признавая, по-видимому, в основном за купольными завершениями истинное выражение церковного духа. В связи с этим особый смысл имеет мнение духовного лица — Генриха Седербергера, посетившего Москву в начале XVIII в. и написавшего о храмах: "Церкви построены на подобие небесного свода, что означает бесконечность и всемогущество Бога. Они состоят из большой башни, окруженной четырьмя меньшими, часто также круглыми, с тройственным крестом"²⁷. Иными словами, пятикуполье здесь уже трактуется как определенный канон.

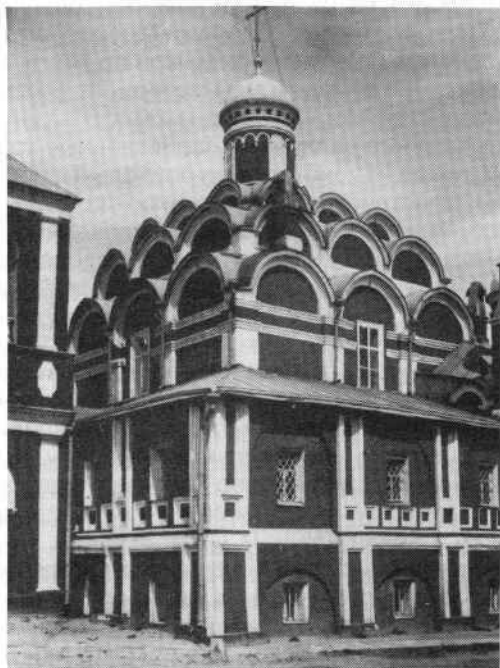
Исключение из этого правила составляет А.Мейерберг (1661-1662), который опубликовал не только записки, но и выполненные с помощью художника И.-Р.Сторна, подробно прорисованные аксонометрический план и панорама Москвы, а также ряд видовых и бытовых рисунков по городу²⁸. В этом поистине комплексном материале по градостроительству Москвы начала 60-х гг. XVII в. нашли выражение различные свойственные тому времени архитектурно-градостроительные особенности; в частности, характер архитектуры храмов, особенно их верхов, четко обозначенных на аксонометрическом плане и живо нарисованных художником на панорамных изображениях. Судя по главной панораме Москвы, изображающей город со стороны Новоспасского монастыря и Крутиц, в архитектуре храмов (и образующих общий силуэт, и возвышающихся над рядовой застройкой на переднем плане) шатровых завершений немногим меньше, чем купольных. И наряду с одношатровыми верхами можно наблюдать двух- и особенно трехшатровые завершения, почти исчезающие в более поздние периоды.

Наличие на панораме большого числа островерхих храмов, особенно там, где они образуют силуэт города, отчасти можно отнести и за счет особенностей графической манеры художника, отличающейся легкостью рисунка пером и умением найти свои, достаточно контрастные выразительные средства в изображении каждого из трех основных видов архитектурных сооружений: церквей и колоколен, крепостных стен, массы жилой застройки. Тем не менее отступление от реальных форм здесь не может быть значительным, учитывая наличие аксонометрического плана, довольно детально нарисованных на нем форм храмов.

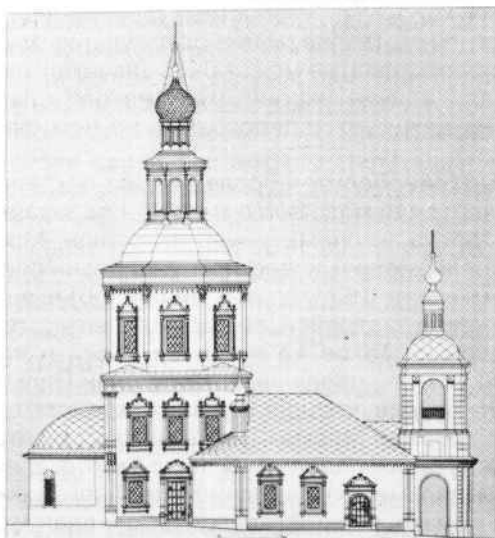
План Мейерберга — последний из сохранившихся чертежей подобного типа; с ним заканчивается "эпоха аксонометрических планов" Москвы, ибо следующий известный нам план города Э.Пальмквиста 1674 г. уже лишен объемного изображения застройки, ее проекция на чертеже ортогональна. Таков же в основе своей и план Таннера 1678 г., сделанный, как и план Пальмквиста, на основе предшествующих аксонометрических чертежей Москвы. То же можно сказать и о последующих планах²⁹. В петровское время начались первые попытки точной натурной съемки города, однако, полный геодезический план Москвы был завершён лишь в 1739 г. под руководством И.Мичурина.

Церковь Георгия, "что на Красной горке" на Моховой (упом. в 1625 г.)

Церковь Покрова в Рубцове (1619-1626 гг.)

Церковь Троицы в Хохловке (1696 г.)

Таким образом, период с "Петрова плана" (конец XVI в.) до 1660-1670-х гг. — ознаменован не только объемной графикой чертежей, но и творческой результативностью картографии, породившей богатую серию по-разному выполненных аксонометрических изображений, еще малоисследованных с точки зрения картографического искусства. Перечень серии состоит из известных рисунков-чертежей: Петрова чертежа, "Годуновского чертежа" (1604-1605), плана Массы (1606), Сигизмундова чертежа (1610), планов Олеария (1634), Мериана (1643), Мейерберга (1662), а также плана Кремля — "Кремленаграда" начала 1600-х гг. Все они представляют собой стилистически целостную группу памятников градостроительной картографии, различающую по манере исполнения, но явно взаимосвязанную с преемственностью, следованием образцу в передаче и толковании топографической основы, ее структурного костяка. И, возможно, обрыв в развитии аксонометрического чертежа связан с условиями отображения градостроительного развития Москвы, при которых, с одной стороны, начала ослабевать графическая четкость выражения структурного костяка на плане, с другой — назревала необходимость выйти в картографическом изображении Москвы за тесные границы крепостных стен. Иными словами, потребность известного "размывания" стен как господствующих факторов структурной организации чертежей города шла как изнутри, так и из необходимости реалий внешнего порядка. Все это становится очевидным при сопоставлении первого и последних по времени планов серии, в частности, "Петрова плана", бывшего, по мнению многих исследователей, образцом для ряда последующих чертежей Москвы, и вскоре за ним разработанного Сигизмундова плана (1610) с планами Мейерберга и Таннера (60-70-е гг. XVII в.).

План Мейерберга, в сравнении с Петровым чертежом и особенно Сигизмундовым планом, рисует нам город, значительно более плотно застроенный, причем застройка в нем гораздо более индивидуализирована, чем в первых планах. Всматриваясь в каждый его квартал, комплекс, чувствуешь интерес автора чертежа ко всей живой ткани города, составленной не из одинаковых или похожих клеток, а из достаточно самостоятельных, имеющих собственную жизнь организмов, составляющих в целом мозаику непохожих друг на друга жилых и иных комплексов, объединенных уличной сетью. Здесь роль и значение улиц в общем рисунке плана значительно возросли по сравнению с первыми чертежами Москвы и соответственно изменилось их соотношение с пространствами крепостных сооружений (плацдармами). Если в первых планах (особенно это выражено на Сигизмундовом плане) место и роль плацдармов перед стенами были безраздельно господствующими в пространственной структуре, то у Мейерберга они уже практически приравнены к ширине главных улиц в Земляном городе, а в самой прорисовке укреплений чувствуется интерес автора больше к самим сооружениям, их построению и виду, чем к их градостроительному противопоставлению остальной застройке, как это наблюдается в первых планах. Налицо относительная нейтрализация кон-

траста между крепостными элементами и прочей застройкой, уличными и другими пространствами.

Уже с середины XVII в., несмотря на физическое сохранение внешних линий укреплений Москвы (Белого города и Скородома), их реальное оборонительное значение все более ослабевает, а поддержание их в пристойном виде требовало больших средств. Не менее ценной была земля, отведенная под плацдарм, которая не могла долго оставаться незастроенной. И именно в этом — в экспансии городской застройки в зоны плацдармов, проявились первые признаки разрушения оборонительных систем и их подавляющего господства в городской структуре.

Сначала разрешили строить на плацдармах храмы, в результате чего вокруг укреплений Белого города и Скородома стали образовываться цепочки церквей, а затем и постройки больших боярских дворов³⁰. На планах Мейерберга и Таннера уже зафиксирована значительная застройка этих зон, а местами (например, по Тверской улице) она уже приближалась к стенам Белого и Земляного городов почти вплотную. План Мейерберга — олицетворение уже относительно равномерной застройки Москвы в границах внешних укреплений, хотя плотность Земляного города несколько уступает в целом плотности более центральных районов, и, следуя традиции предшествующих планов, его изображение еще ограничивается Скородомом.

План Таннера — первый чертеж, который в изображении застройки Москвы вышел за пределы Земляного города и тем самым разрушил традиционное видение образа всего города только в границах крепостных стен. Сохраняя преемственные черты от аксонометрических планов, автор чертежа изобразил объемно отдельные постройки Кремля, крепостные сооружения, а также ряд крупных храмов и дворов в других частях города, в том числе и за пределами Скородома. Этим он подчеркнул новые более распространенные масштабы территории изображаемого города, его развитие за традиционными границами. На чертеже нет четко обозначенных пограничных линий городской территории, в силу чего структура как бы открыта к дальнейшему росту и предполагает связь с близлежащими слободами и монастырями. В понимание “столичного града” вновь включаются окрестности; как бы воссоздается широкая объемно-пространственная и природная структура с четко обозначенным центром, но размытыми в окружающем ландшафте внешними границами.

Возвращаясь к текстам иностранцев о Москве второй половины XVII — начала XVIII вв., мы наблюдаем и здесь, в рисуемых ими картинах города перемены. Они сказываются в общей характеристике образа города, выразившейся прежде всего в отказе от жестких границ своих представлений о структуре Москвы; в большем интересе к самой, достаточно сложной “анатомии” города, его элементов; особенно же — в разноплановом восприятии города и ощущении его новых масштабов, в описании городских окрестностей и пригородных районов как неотъемлемых частей городского целого.

Разумеется, это было связано и с развитием

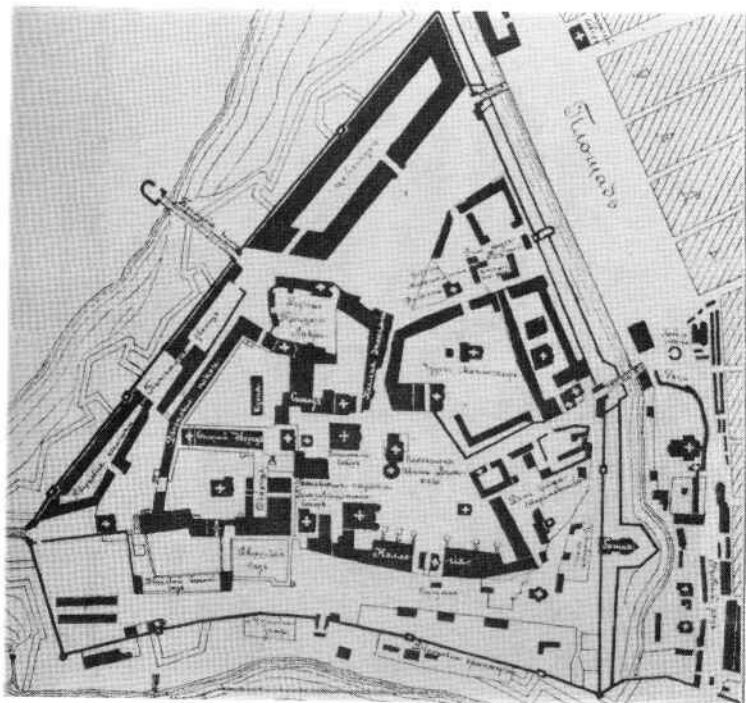
Собор Богоявленского монастыря (1693-1696 гг.)

Собор Крестовоздвиженского монастыря. (Завершен строительством в 1725 г.)

самого города, усилением роли в нем новых слобод и монастырей за пределами внешних укреплений. Особенно возросло во второй половине XVII в. значение царских загородных резиденций и сравнительно новых слобод, заселявшихся иностранцами.

“За городом, пишет Я.Рейтенфельс, проживают инде греческой веры поляки, инде и татары со своими мерзостными обрядами. Есть и еще слободы — ямские, где живут почтари, и солдатские или стрелецкие... Из предместий главное —

План Кремля и Красной площади первой половины XVIII в.

Иноземная слобода или Кукуй... За нею следует слобода Басманная...³¹

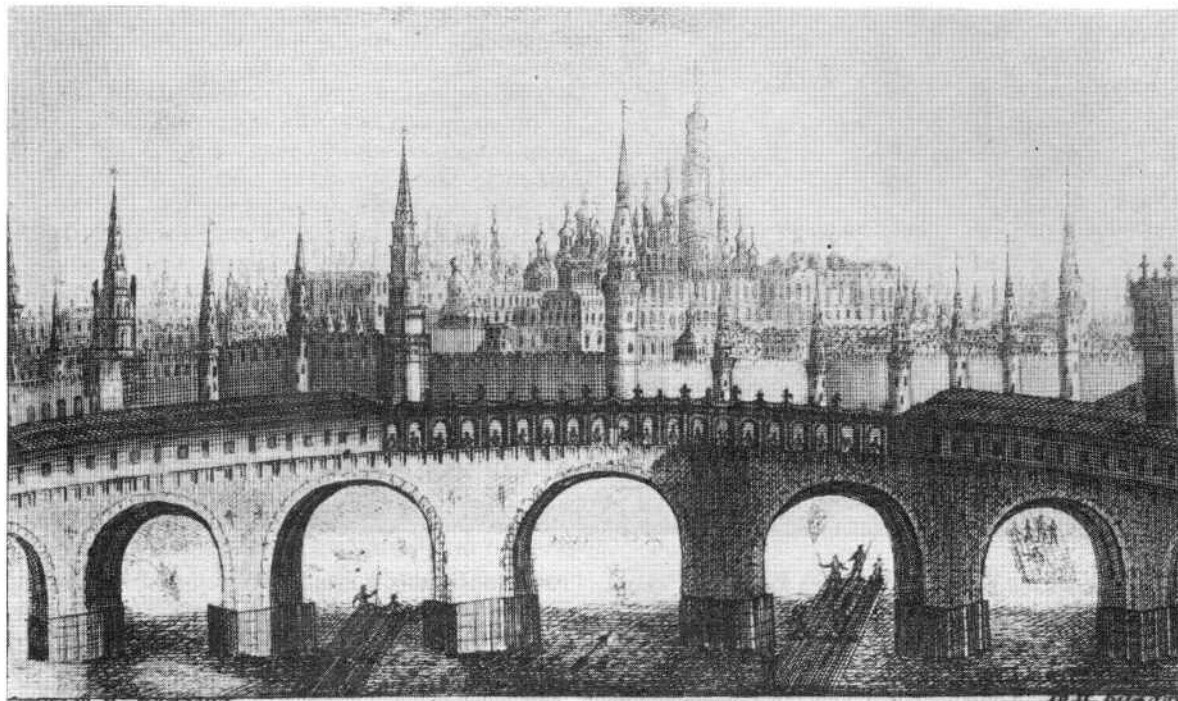
Тот же Рейтенфельс, много внимания уделяя городу в целом и его окрестностям, дает описание в своей книге загородных царских дворцов в разделе "О городе Москве...": "В небольших расстояниях от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей... Среди них последнее место принадлежит селу Измайлову, обладающему знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами со многими извивающимися дорожками. В расстоянии, приблизительно, полумили от него находится богатейший зверинец, или лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него изящное здание для приготовления лекарств с садами врачебных растений. Таков же и Коломенский загородный дворец, который, кроме прочих украшений..., хотя и деревянный... с искусно исполненными разными украшениями, блистающими позолотой. Не буду уже ничего здесь присовокуплять о Преображенском, тоже величавом и живописном летнем местопребывании. Ближе к городу бросается в глаза своею величиною деревянные строения — громадная царская житница и многие другие, поменьше, особенно же хлебные склады для войска, а также несколько питейных домов или кабаков"³². Описав далее последовательно иностранные слободы, пространство "перед последним окопом города", затем Скородом и Стрелецкий городок, Царь-город, Китай и, наконец, "площадь с храмом Св. Иерусалим, и многими торговыми постройками", он как "венец всему" трактует "Царский укрепленный замок, который опоясывает стены в виде круга", и его "обширнейшие царские дворцы"³³. Восприятие города в целом идет широко в пространстве и времени, от дальней периферии его

— царских загородных резиденций к центру — кремлевским дворцам.

Широкий охват Москвы характерен и для записей Б.Таннера (1678), который замечает: "Предмestья во все стороны сильно увеличивают обширность внешнего города... и глядя с нашей довольно высокой башни (в Китай-городе — Н.Г.), мы не могли заметить пределов Москвы". Он также большое внимание уделяет окраинным слободам, в частности, Немецкой и Измайлову — территории, которая "полюбилась царю, и он для своего удовольствия устроил и развел на ней два сада..."³⁴

Корнелий де Брюин (1701) особенно широко и дотошно зрительно осваивает город, показывая его и в целом и в частях, прежде всего стараясь охватить застройку издали как бы "с птичьего полета". "Я начну (описание — Н.Г.) с города Москвы, который я снял в эти дни с высоты дворца Царского, называемого Воробьевским, огромного здания в два яруса". От этого же дворца (или дворца Шереметева) на Воробьевых горах любил устраивать царь свои увеселительные путешествия по реке в Коломенское; К.Де Брюин участвовал в одном из них, имея прекрасную возможность увидеть Москву с тех точек зрения, с которых город воспринимался глазами монарха, его приближенных и всех тех, кто активно использовал р.Москву в качестве транспортного пути. Много Корнелий ездил и по другим районам Москвы, в Измайлово, Головинский дворец, в Лефортово и др., свидетельствуя при этом об уже интенсивной застройке предместий: "По ту сторону земляного вала находятся... деревни, пригороды и монастыри, которыми окружен город и которые теснятся друг к другу, весьма густо населенные... Есть такие деревни, которые примыкают к самому валу"³⁵.

Характерно и описание Корнелием древних частей города, крепостных сооружений; его уже не столько интересует их градоформирующее стратегическое значение, сколько их направление и протяженность, определяющая размеры города, расстояние между башнями, связь последних с уличной сетью. В его путешествии по городу башни — это основные ориентиры улиц. "... Начиная с Покровских ворот, от которых улица того же названия Покровка простирается до красной стены Китая, ... я пошел мимо Мясницких ворот с улицей того же названия. На земляном валу стоят двойные каменные ворота. Третьи ворота — Сре́тенский пролом, которых собственно есть дорога, ведущая к городским воротам; ибо с этой стороны вовсе нет никаких ворот у земляного вала, а есть только просто открытый ход или отверстие. Четвертые Петровские ворота, от которых идет улица того же имени к городу"; и далее таким образом он описывает все двенадцать ворот Земляного города. "Сделавши обход всего описанного пространства, продолжает автор, на другой день я обошел стену города, называемую Белым городом и нашел, что в окружности она имеет полтора часа ходьбы..." Затем он фиксирует башни, которые, остоят одна от другой на 400 шагов..³⁶, также отмечая попутно их связь с улицами и другими прилегающими пространствами. В целом же, осуществляя знакомство с городом, Корнелий де Брюин, как и Рейтенфельс,

Вид на Кремль из-за Большого Каменного моста. Гравюра И.Махаева. Середина XVIII в.

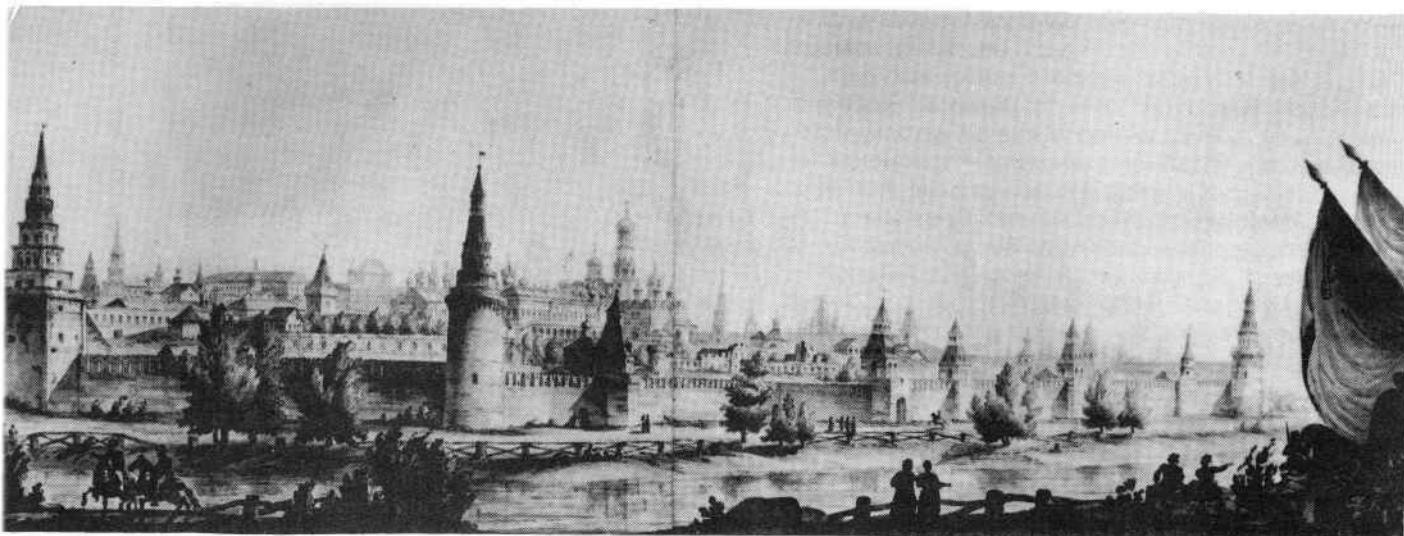
идет от периферии к центру, держа постоянно в уме, что "теперь Москва гораздо больше и обширнее того, чем была когда-нибудь прежде..."³⁷, соответствуя своему значению истинного центра обширного государства, находясь "в середине, как бы в лоне, страны, во 120 немецких милях от границ во все стороны, в 86 милях от границ Польши и в 460 милях от Государства Персидского..."³⁸.

Структурная связь растущей Москвы с государственными событиями, систематическим паломничеством царской семьи в монастыри и особенно в Троице-Сергиев монастырь, частыми переездами царя со свитой в загородные резиденции, иными событиями, выражавшимися в торжественных выездах, шествиях и т.п., требовала своих средств градостроительного "оформления", среди которых прежде всего нужно выделить архитектурно-образное выражение улиц — путей следования царских процессий, особенно пышно обставлявшихся при царе Алексее Михайловиче. В частности, таковыми были систематические выезды царя с семьей в Троице-Сергиев монастырь, куда, по словам Генриха Седербергера "царь делает два путешествия в год... в праздник Троицы... и в Михайлов день, "причем он последнюю половину мили идет пешком..."³⁹. Подробно описывает выход из Москвы и возвращение в столицу этого шествия-паломничества Адольф Лизек в 1675 г.⁴⁰, и нужно отметить, что "путь к Троице" в те годы получал соответствующее "оформление" храмами не только в пределах Москвы, но по всей трассе следования. Помимо путевых дворцов в селах Алексеевское, Тайнинское, Пушкино, Воздвиженское и др. почти во всех селениях, по которым следовал царский поезд, в это время начали строиться и обновляться церкви, примером чему являются сохранившиеся до нашего времени каменные хра-

мы в Тайнинском (1675-1677), Алексеевском (1680), Сафарина (1691) и др. Благодаря этой системе храмов и путевых дворцов, Троице-Сергиев монастырь как бы объединялся с Москвой, а в самой столице путь через Сретенку в сторону села Алексеевского знаменовал не просто Ярославскую дорогу, но до известной степени и "священный путь" к первому монастырю страны, его основателю-предподобному Сергию, к "дому Святой Троицы".

Свои значения получали и другие основные улицы, соединяющие центр города с периферией, и среди них все большую роль, особенно с начала XVIII в., начинала играть Тверская улица, по которой осуществлялась связь города с Петербургом. Что же касается внутригородского развития других древних радиусов, то особую роль приобретали восточные направления улиц, связывающих центр Москвы с "Москвой Яузской"⁴¹. Это прежде всего направления Ильинки и Никольской, берущих свое начало от Спасской (Фроловской) и Никольской проездных башен Кремля, имевших свое продолжение соответственно в улицах Покровской и Мясницкой, переходивших затем в улицы Басманную и Новобасманную, пересекавшиеся на площади Разгуляй. Улицы Покровская-Басманная вели мимо Немецкой слободы в особо развившиеся в XVII в. царские села — летние резиденции в Покровском, Измайлове, Преображенском; улицы Мясницкая — Новобасманная выводили в район самой Немецкой слободы, которая тяготела к Лефортову с его дворцовым комплексом петровских приближенных на р.Яузе, возникшим на рубеже XVII-XVIII вв.

Формирование облика улиц Покровки-Басманной к концу XVII столетия частично изучено и показано в статье О.И.Брайцевой "Об ансамбле улицы Покровки конца XVII в. в Белом городе Москвы"⁴², ряд образных реконструкций, помещенных в статье, свидетельствует об идейно-художественном значении, которое придавалось этой

Вид на Кремль со стороны Большого Каменного моста. Акварель Д.Кваренги. 1780-е годы

улице. И недаром на этой трассе в конце столетия были возведены два крупных и наиболее ярких по архитектуре храма того времени, разрушенных в советское время, — церковь Николы "Большой крест" (1680-1689) на Ильинке (рядом с Китайгородской стеной) и церковь Успения на Покровке (1696-1699). Оба памятника, наряду с другими храмами-доминантами, определяли образ и общий характер пространственной композиции этой улицы — ансамбля, отвечающего значению "царской улицы", т.е. основной связи, соединяющей резиденции царя — городскую и загородные.

Однако, уже Алексей Михайлович при своих выездах в Измайлово часто предпочитал Ильинке Никольскую улицу, а в своих записях Б.Таннер даже считает, что по ней царь всегда следовал из Кремля: "Есть еще одна большая улица (наряду с Лубянской — Н.Г.), по которой проезжает царь, куда бы ни отправлялся; она простирается от Кремля и занята ни чем иным, как живописцами. Они много делают образов на продажу, потому она у москвитян и заслужила название священной улицы"⁴³.

Возможно, боголюбивый Алексей Михайлович действительно не упускал случай лишний раз полюбоваться иконными рядами на Никольской, и это способствовало престижу ее, как и всей трассы улицы, следующих в восточные районы, где парковые территории Измайлова, Сокольников, Лосиногостовского соединялись в единый зеленый массив любимое место охоты и загородных прогулок царя и его приближенных, осваивавших под жилье территории в этом направлении.

Так, во второй половине XVII в. все более интенсивно застраивается Новая Басманная улица. Ее прямолинейно пробитая трасса, идущая от Мясницких ворот Земляного вала к Разгулю, уже тогда стала одной из наиболее упорядоченных улиц, а включение ее в систему "царских дорог" особенно способствовало быстрому развитию. Однако, наиболее интенсивно она развивается в петровское время, когда в "Москве Яузской" начал активно формироваться второй правитель-

ственный центр древней столицы, включавший и постоянные резиденции царского двора, и его облугу.

Петр, строя на Яузе "свой город", включающий и дворцы, и парки, и различные слободы, широко разбросанные на приустьевых территориях, по существу уже полностью освободился от прежнего стереотипа города, заключенного в оборонительные сооружения, с центром "замкового" типа. Москва Яузская — это город открытого типа с максимальной ориентацией дворцовых и слободских комплексов на реку, которую с обеих сторон обступала новая застройка, традиционно акцентированная храмами. Ее центральный комплекс отмечен в начале XVIII в. строительством каменного храма в Лефортовой слободе, а несколькими годами ранее этому храму предшествовала еще одна каменная церковь, "что на Яузе", поставленная близ впадения Яузы в р.Москву, у границы Белого города. Третья каменная церковь была поставлена Петром у Земляного вала в начале Новобасманной улицы, если первая церковь знаменовала собой центр нового города, то две последующие служили архитектурными ориентирами, отмечающими два основных въезда в него со стороны "древнего града" — водный и сухопутный. Все три храма были посвящены небесным патронам царя — апостолам Петру и Павлу; их же именем был освящен престол деревянной церкви самого государева дворца в Преображенском⁴⁴.

Таким образом, обширная территория Москвы Яузской была объединена не только архитектурными средствами, но и символической идеей, утверждающей в городе царское имя, хотя и в преломленной форме. И обозначив "город Петра" на московской земле достаточно традиционным способом, эти ориентиры, вместе с тем, обрели новое градостроительное качество, поскольку они образовали свою пространственную систему — открытую и во-многом несовпадающую с системой исторического города. И тем большее значение в пространственной связи этих двух систем возымели улицы со своими объемно-пространственными акцентами, как традиционными, так и новыми.

К числу петровских нововведений в акцентировке уличных пространственных связей следу-

ет особенно отнести возведение в ключевых узлах города Триумфальных ворот по случаю тех или иных государственных событий, сопровождавшихся праздниками и торжественными шествиями. Местоположение таких построек по существу определяло главнейшие направления в городе, которые соответствующим образом оформлялись и архитектурно. Сразу же определились (и вскоре стали традицией) два таких главных направления, бравших свое начало от Красной (Троицкой) площади: первое — в сторону дороги в новую столицу, т.е. по Тверской улице; второе — в сторону Москвы Яузской.

На самой площади со стороны Тверской роль торжественных пропилеев выполняли построенные в конце XVII в. каменные Воскресенские ворота, а в створе Никольской улицы у Казанского собора было назначено еще одно место для возводимой обычно из дерева Триумфальной арки. Подобные же сооружения ставились на пересечениях Тверской и Мясницкой улиц с границами Белого и Земляного городов, а также в Лефортове за мостом через Яузу.

Их общая символика и идейный смысл имели общегосударственное значение. Они подчеркивали столичность Москвы, пространственно-временную связь древнего центра с новым, связь исторической Руси с утверждением и победами новой России. В структуре и образе города это нашло свое, характерное уже для Нового времени, выражение устремленности к открытой, распространенной в пространстве системе, которая по ряду признаков предвосхищала принципы и тенденции города будущего, более полно раскрывшиеся при создании северной столицы — Петербурга.

Новые тенденции, связанные с представлениями об открытом и не "закрепощенном" в средневековой замкнутости образа города, стали активно сказываться и в облике исторической Москвы, прежде всего в трактовке самих крепостных сооружений, особенно с 80-х гг. XVII в., когда все башни Кремля, а затем и Китай-города, получили новые, чисто декоративные шатровые завершения. Предвестником их были Спасская башня 1620-х гг., а еще ранее — храм Покрова на Рву и колокольня Ивана Великого: все три сооружения составляли идейно и композиционно взаимосвязанную ансамблевую доминанту города, сложившуюся в XVI-XVII вв. вместе со всей городской структурой. И если Покровский собор послужил образцом и моделью новой трактовки образа крепости Кремля в целом, то Спасская башня дала конкретный пример развития новых башенных и декоративных форм; Ивановский столп (после его надстройки Годуновым) был уже также масштабно готов к новой системе, к роли композиционной доминанты, объединяющей вокруг себя новую пространственную композицию из высотных столпообразных сооружений. На формы новых верхов Кремля явное влияние оказали и те многочисленные шатровые завершения храмов, которые особенно ярко запечатлены на панораме Мейерберга (см. выше).

Шатровые надстройки в корне изменили образ всего крепостного центра, особенно Кремлевского ансамбля. Стена превратилась в ограду, а стройные башни по своему облику приблизились к храмовым подколокольным сооруже-

Суарева башня. Архитектор М.И.Чоглоков (1692-1701 гг.) Вид от Сретенки. Фото 1930-х гг.

ям, во множестве строившимся в Москве XVII в. С этого времени Кремль и Китай не столько противопоставляются вертикалям многочисленных городских храмов, сколько звучат в унисон им, беря на себя лидирующую роль в пространственной композиции. Качественно новый кремлевский ансамбль, образ которого вдруг "раскрылся" к городу своей яркой и красочной, жизнерадостной и приветливой темой, созвучной большинству строившихся тогда в столице храмов, незамедлительно сам стал примером для других ансамблей.

Перестраивавшиеся а также вновь строившиеся из кирпича стены и башни в монастырях Москвы и Подмосковья с 1680-х гг. следуют тому же принципу: горизонталям сравнительно простых по пластике стен противостоят стройные и декоративно усложненные башни с шатровыми верхами или башни, увенчанные "коронами" со сквозными проемами в обрамлении тонких колонок и фигурного узора (Новодевичий и Донской монастыри). Столпообразные объемы башен мыслятся в каждом ансамбле в едином строю и целостном соподчинении с главным столпом монастырского ансамбля, возводившимся почти одновременно с верхами башен, — многоярусной колокольней. В Донском монастыре роль основного столпа выполняет сам вытянутый вверх объем нового собора (1684-1693).

В пространственной композиции этих ансамблей, как и в ансамбле Кремля, отчетливо проявился принцип ярусности, распространяющийся, как на отдельные сооружения (колокольню, церкви), так и на всю структуру архитектурного комплекса. При этом горизонталь стены служит как бы основой, в контрасте с которой воспринимаются вертикальные составляющие ансамбля различной высоты, образующие в пространстве "яруса" верхов, объединенных господствующей (ярусной тоже) вертикалью, являющейся центром всей пространственной композиции.

Таким образом, ярусность, распростиравшаяся к концу XVII в. на композицию всего центрального пространства Москвы, становится сво-

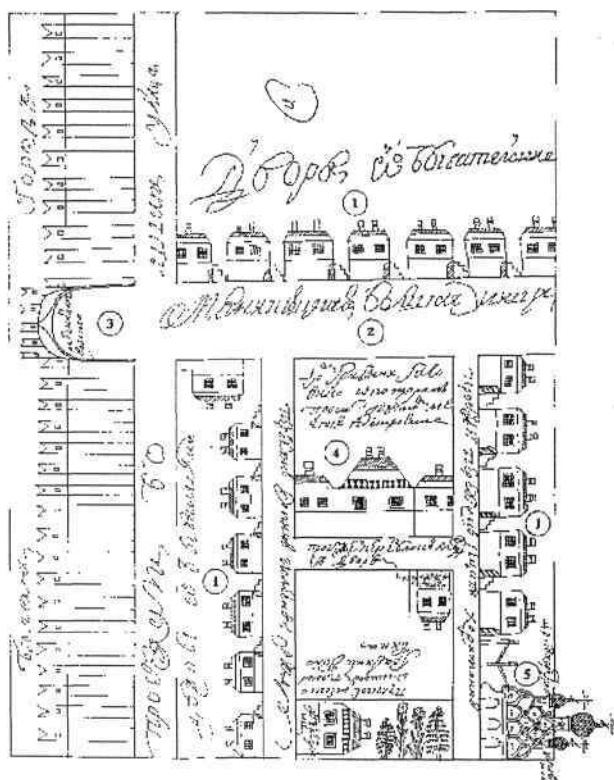
98 "План императорского столичного города Москвы, сочиненный под смотрением Архитектора Ивана Мичурина в 1739 году"

его рода универсальным принципом организации ансамблей различных уровней, и она тесно связана с принципом центричности, т.е. наличием в каждом ансамбле своей высотной доминанты, объединяющей все его прочие архитектурные элементы. При этом центричность не обязательно предполагает строго геометрический центр, а, напротив, чаще она означает асимметричное размещение компонентов ансамбля и соответственное смещение его центра.

Покровский собор на Рву, безусловно, близок в своей первоначальной композиции к идеальной модели центрического и ярусного храма-ансамбля, принцип которого оказался в значительной степени определяющим для дальнейшей судьбы многих ансамблевых композиций Москвы. Его развитие привело в XVII в. к исключительному разнообразию многообъемных систем, начиная от композиции отдельных храмов типа церкви Покрова в Медведкове до наиболее крупных комплексов, о которых речь шла выше. В этом контексте следует видеть и появление с 80-х гг. XVII в. в архитектуре Москвы как ее наиболее заметного и во многом определяющего стилового типа храмостроительства т.н. "нарышкинского" ярусного храма.

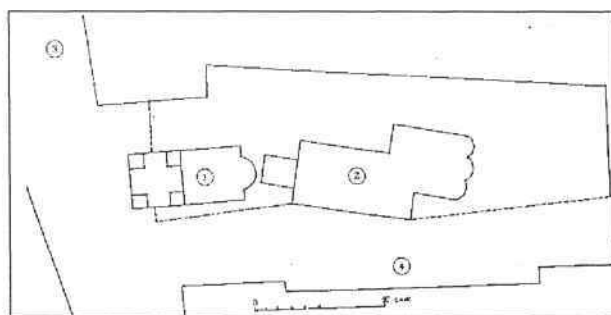
Сравнение классического представителя этого типа храма (например, церкви Покрова в Филях; 1693) с Покровским собором на Рву целесообразно вести одновременно с сопоставлением их обоих с ярусной колокольной конца XVII в. типа колокольни Новодевичьего монастыря (1690), ибо филевский храм и колокольня в Новодевичьем монастыре имеют общие типологические основы, но структурно различны соответственно конкретным композиционным условиям. В сравнении с Покровским храмом на Рву обе структуры как бы приблизились к нему: одна — как структура центрическая и ярусная, но **многосоставная**; другая — как также структура центрическая и ярусная, но более однородная и **столпообразная**. Первую — можно сравнить с композицией собора в целом; вторую — с развитием одного из его столпов с использованием ярусной центричности, характерной в целом для "нарышкинских" структур.

Центрическая ярусность, четкий геометризм всех трех произведений имеет общие "ренессансные" основы, но в рамках этих основ новая стадия пластического видения композиции, разработанной в ордерных формах, позволила достаточно далеко развести образный строй филевской и монастырской построек, не отрывая его, вместе с тем, от интересующего нас общего источника. Многосоставность в соборе — это наличие самостоятельных церквей-столпов, развившихся на едином подклете в горизонтальной плоскости; многосоставность в филевском храме — это обстройка и надстройка основного четверика другими достаточно автономными по своей структуре объемами, "подпирающими" его с четырех сторон и резко облегчающимися в верхней части. В общей структуре всячески подчеркнуты границы между слагающими ее объемами, их самоценное значение. Однако, в целом они превосходно соотнесены друг с другом и гармонично взаимосвязаны. В композиции четко выражена ярусность, как бы "рост" структуры и на-

Чертеж фрагмента застройки между Мясницкими воротами Белого города и церковью Харитония Исповедника в Огородной слободе. Первая половина XVIII в. (ГИМ ОПИ ф. 440, е.х. 949, № 1)

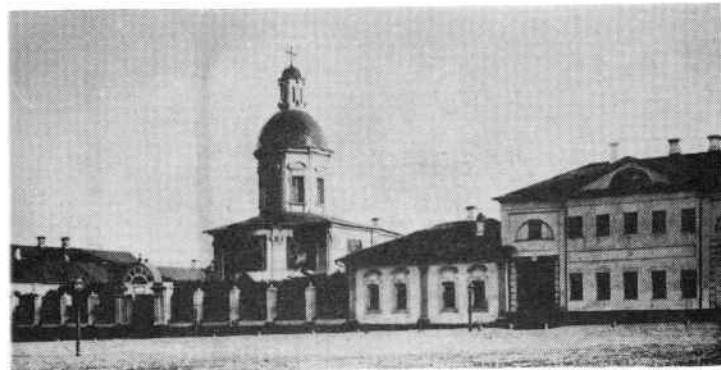
На рисованном плане обращает на себя внимание однотипная обывательская застройка (1), четко фиксирующая линию Мясницкой улицы и переулков (2). На условно показанной стене Белого города видны двурогие мерлоны завершения. Мясницкая проезжая башня обозначена воротным проемом (3). Среди рядовой застройки выделяются богатые палаты графини Головиной (4). Церковь Харитония показана с завершением в виде множеств кокошников, которые в дальнейшем были переделаны*

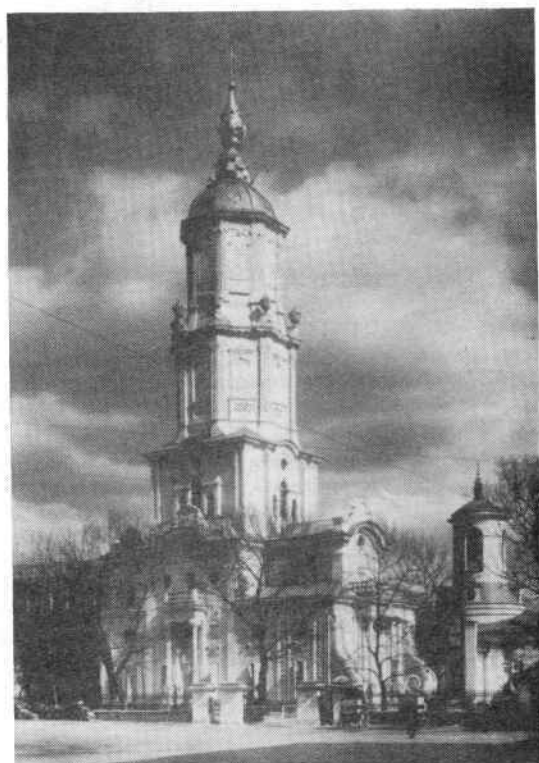
План участка церкви Хивоначалный троицы в Серебряниках. 1756 г. (ОПИ ГИМ ф. 440, е.х. 949, № 95)

План фиксирует предложение архитектора К.Бланка, запроектировавшего новую колокольню с церковью (1) к западу от старого храма (2). Высокая колокольня вынесена на угол Яузской улицы (3) и Серебрянического переулочка (4), что создало дополнительный градостроительный акцент в панорамах устья реки Яузы*

*Здесь и далее иллюстрации, отмеченные звездочкой, подобраны и прокомментированы В.Ю.Пироговым

Куракинская богадельня и церковь при ней на Новой Басманной улице. Середина XVIII в. Фото 1883 г.*

Меньшикова башня (церковь Архангела Гавриила). Архитектор И.Зарудный (1701-1707 гг.)

Церковь Петра и Павла на Новой Басманной (1705-1723 гг., колокольня 1745-1746 гг.)

ряду с этим выявлена общая пирамидальность структурного построения, в котором нашлось место и традиционно высокому гульбищу подклета, и центральному пятиглавию на полукруглых в плане объемах, напоминающих о столпах Покровского собора.

В колокольне Новодевичьего монастыря ярусные различия в значительной мере нейтрализованы, установилось подобие облегчающихся кверху восьмериков, усилилось в композиции объединяющее значение ордерного каркаса, внесшего в пластический образ сооружения уравновешенность и соразмеренный строй, соотносимый с масштабом человека. При всей несхожести ее со столпом Покровского собора, сохранился принцип архитектурной целостности высотного сооружения, пирамидальности и тектонической устойчивости, общей композиционной завершенности.

Оба примера — храм Покрова в Филях и колокольня Новодевичьего монастыря — не только сами по себе наглядно иллюстрируют черты их преемственности от более древнего образца, но и показывают диапазон развития новых центрически-ярусных композиций в конце XVII — начале XVIII вв. в различных градостроительных ситуациях. "Нарышкинские" структуры развились прежде всего в условиях загородной усадебной среды, в окружении природного и паркового ландшафтов, в архитектурном "диалоге" с ними, расчете на максимальный художественный эффект при круговом обозрении храма. Распространение этого типа храма в городских условиях, по-видимому, не случайно совпало с общей градостроительной тенденцией, с потребностью в особом типе композиции, способном взять на себя роль объединяющей ансамбль доминанты. И, наоборот, развитие самого этого типа храма, имевшего большое распространение и в первой половине XVIII столетия, возможно, стимулировалось градостроительными потребностями ансамблевого творчества. Структура типа рассмотренной нами колокольни Новодевичьего монастыря — лишь один из вариантов архитектурно-градостроительного развития "нарышкинского" храма "под колоколы".

Градостроительный аспект этой формы многозначителен и начало ее активного распространения одновременно с надстройкой башен Кремля и Китая, по-видимому, тоже не случайно. И то и другое явления символизировали наступление новой эпохи в градостроительстве Москвы, преодоление средневековых замкнуто-крепостных градостроительных принципов и традиций.

Подытоживая сказанное и суммируя отмеченные факты, следует констатировать, что XVII век в развитии образа и структуры Москвы неоднозначен, как неодинаково и восприятие города современниками, его отражение в текстах и картографии. Образ закрытого средневекового города, заключенного к рубежу XVI-XVII вв. в четыре кольца укрепленных стен, сохранялся до середины XVIII в., однако значение этих укреплений как стратегически градоформирующих элементов и городских границ постепенно ослаблялось; все большую роль стали приобретать радикальные пространственные связи исторического центра с периферией, особенно с интенсив-

ным развитием в XVII в. загородных монастырей и слобод, среди которых выделились восточные районы, развившиеся на основе царских загородных резиденций и Немецкой слободы. Развитие здесь второго правительственного центра с петровского времени особенно видоизменило структуру города: новая открытая система Москвы Яузской трансформировала всю систему пространственных связей исторического города, во многом предопределив градостроительные принципы, внедрявшиеся при создании новой столицы.

В развитии представлений об образе города, его центра нужно выделить 70-80-е гг. XVII в. Изменения в картографических методах изображения Москвы, черты нового в восприятии ее современниками-иностранцами, качественное преобразование архитектуры крепостных ансамблей и структурно-типологические изменения в храмостроительстве, особенности ансамблевого мышления — все это составило к концу столетия и на рубеже XVII-XVIII вв. комплекс новых явлений в архитектурно-градостроительной жизни города, во многом определивших и структуру образных черт Москвы последующего столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Сытин П.В. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 1. — М., 1950. — С. 356.

² Выполнение "Петрова плана" Москвы предположительно относится к концу XVI в.

³ Исключение составляет чертеж Москвы Исаака Массы (1606), в котором окрестности города изображены в предельно условной форме.

⁴ Сытин П.В. Указ. соч. С. 50, 59.

⁵ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. — М., 1891. — С. 134.

⁶ Фалькович П. Картины жизни в Московском государстве. В извлечениях из записок иностранцев в России XVI-XVII вв. — М., 1914. — С. 61-62.

⁷ Цит. по: Сытин П.В. Указ. соч. — С. 50.

⁸ Там же. — С. 50.

⁹ Таннер Б. Указ. соч. — С. 137-140.

¹⁰ Там же. — С. 139.

¹¹ Там же. — С. 140.

¹² Там же. — С. 142.

¹³ Там же. — С. 141.

¹⁴ Там же. — С. 143-144.

¹⁵ Там же. — С. 157.

¹⁶ Там же. — С. 151.

¹⁷ Фалькович П. Картины жизни в Московском государстве. В извлечениях из записок иностранцев о России XVI-XVII вв. — М., 1914. — С. 69.

¹⁸ Таннер Б. Указ. соч. — С. 140.

¹⁹ Там же. — С. 175.

²⁰ Там же. — С. 143.

²¹ Там же. — С. 169.

²² ЧИОИДР. М., 1872, кн. 2. — С. 92.

²³ ЧИОИДР. М., 1872, кн. 1. — С. 77.

²⁴ Таннер Б. Указ. соч. — С. 59.

²⁵ Журнал Министерства Просвещения. СПб., 1837, ноябрь. — С. 387.

²⁶ Таннер Б. Указ. соч. — С. 155.

²⁷ ЧИОИДР. М., 1873, кн. 2. — С. 11.

²⁸ Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903.

²⁹ Например, планы Моле (1683), Зандарта (1701). См.: Сытин П.В. Указ. соч. — С. 64.

³⁰ Сытин П.В. Указ. соч. — С. 177.

³¹ ЧИРИДР. М., 1905, кн. 3. — С. 93.

³² Там же. — С. 92-93.

³³ Там же. — С. 93.

³⁴ Таннер Б. Указ. соч. — С. 67-71.

³⁵ ЧИОИДР. М., 1872, кн. 1. — С. 84.

³⁶ Там же. — С. 78-79.

³⁷ Там же. — С. 77.

³⁸ Там же. — С. 91.

³⁹ ЧИОИДР. М., 1873, кн. 2. — С. 15.

⁴⁰ Журн. Мин. Просвещения, СПб., 1837, ноябрь. — С. 362-274.

⁴¹ См.: Гуляницкий Н.Ф. Москва Яузская — В кн.: Архит. наследство № 34. М., 1986. — С. 34-43.

⁴² Брайцева О.И. Об ансамбле улицы Покровки конца XVII в. в Белом городе Москвы — В кн.: АН-28. М., 1980. — С. 47-51.

⁴³ Таннер Б. Указ. соч. — С. 62.

⁴⁴ Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. — М., 1984. — С. 810.

⁴⁵ Кудрявцев М.П. Пространственная композиция центра Москвы XVII в. — в кн. Архитектурное наследство № 25. — М., 1976. — С. 19.